

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ПРЕВЕНТИВНОЙ САМОЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ¹

Голышев Вадим Григорьевич^{1,2},

канд. юрид. наук, доцент,

e-mail: vadimgolyshev69@mail.ru,

¹Московский университет имени С.Ю. Витте, г. Москва, Россия,

²Московский городской педагогический университет, г. Москва, Россия

Данная статья посвящена вопросу, не получившему однозначного разрешения как в научной литературе, так и в действующем гражданском законодательстве. Институт самозащиты гражданских прав занимает особое место в системе гражданско-правовых способов защиты благодаря относительной простоте и универсальности своей правовой конструкции. В самом общем виде самозащита права представляет собой такой способ противодействия уже имеющемуся в наличии противоправному посягательству, который в своем содержании должен соответствовать характеру такого посягательства, а именно – быть соразмерным.

Между тем, правовая конструкция самозащиты права с точки зрения действующего законодательства, необходимо предполагает наличие противоправного посягательства. Такое положение дел неизбежно приводит к необходимости разрешения вопроса о правовой природе так называемой «превентивной самозащиты», определяемой в юридической литературе как разновидность самозащиты права.

Общим итогом рассуждений авторов является вывод об относительно самостоятельной правовой природы института превентивной самозащиты и необходимости обособления данного института в системе средств гражданско-правовой охраны прав и законных интересов.

По тексту статьи Российская Федерация сокращенно указывается – РФ.

Ключевые слова: самозащита, самоохрана, превентивная самозащита, правовая природа, гражданские права, средства гражданско-правовой охраны, способ защиты гражданских прав, противоправное посягательство, система правовых средств

ON THE ISSUE OF THE LEGAL NATURE OF PREVENTIVE SELF-DEFENSE OF CIVIL RIGHTS

Golyshev V.G.^{1,2},

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

e-mail: vadimgolyshev69@mail.ru,

¹Moscow Witte University, Moscow, Russia,

²Moscow City University, Moscow, Russia

This article is devoted to an issue that has not received an unambiguous resolution both in the scientific literature and in the current civil legislation. The institution of self-defense of civil rights occupies a special place in the system of civil law methods of protection due to the relative simplicity and universality of its legal structure. In its most general form, self-defense of law is a method of countering an already existing unlawful encroachment, which in its content must correspond to the nature of such an encroachment, namely, be proportionate.

Meanwhile, the legal structure of self-defense of law, from the point of view of current legislation, necessarily presupposes the presence of unlawful encroachment. This state of affairs inevitably leads to the need to resolve the issue of the legal nature of the so-called “preventive self-defense”, defined in the legal literature as a kind of self-defense of law.

¹ Статья подготовлена при информационной поддержке Справочно-правовой системы КонсультантПлюс.

The general result of the authors' arguments is the conclusion about the relatively independent legal nature of the institution of preventive self-defense and the need to separate this institution in the system of means of civil protection of rights and legitimate interests.

In the text of the article, the Russian Federation is abbreviated as RF.

Keywords: self-defense, self-protection, preventive self-defense, legal nature, civil rights, means of civil protection, method of protecting civil rights, unlawful encroachment, system of legal means

Вопрос о правовой природе того или иного правового явления, пожалуй, является одним из самых сложных вопросов теории права, поскольку требует от исследователя выявления таких существенных характеристик, благодаря которым не только определяются «специфические закономерности возникновения и развития» исследуемого юридического факта или правоотношения, но также является логика и смысл правового регулирования конкретного правового явления [1, с. 11–15]. В этой связи полагаем, что эволюция правового регулирования тех или иных отношений «является прямым следствием уяснения законодателем особенностей правовой природы» регулируемых им отношений [1, с. 11–15].

Обращая внимание на институт самозащиты гражданских прав, необходимо отметить, что действующее законодательство (ст. 12 и ст. 14 ГК РФ), оставило открытым вопрос о том, какие именно действия управомоченного субъекта подпадают под признаки такой самозащиты. Однако на этот счет в юридической литературе справедливо указывается на ключевую особенность таких действий – их фактический характер [2, с. 29–33], чем, по сути, в основном и исчерпывается их содержательная характеристика. Между тем, фактический характер способных к совершению действий, существенным образом расширяет их возможное видовое разнообразие, ограничивая этот «спектр» лишь некоторыми требованиями закона. Так, следуя буквальной логике гражданского законодательства (ст. 14 ГК РФ), можно выделить следующие признаки данного способа внесудебной защиты гражданских прав: его соразмерность нарушению и ограниченность пределами лишь тех действий, которые необходимы для пресечения такого противоправного посягательства. Такие указания закона вполне обосновано позволяют прийти к выводу о том, что «... самозащита возможна лишь при нарушении права. Нет нарушения – не может быть и самозащиты» [3, с. 25–28].

Вместе с тем, несмотря на то, что закон связывает самозащиту гражданских прав с совершением действий, соразмерных имеющемуся в наличии правонарушению, в юридической литературе предложено множество мнений, распространяющих возможность применения данного способа защиты гражданских прав на отношения, характеризующиеся лишь потенциальной возможностью противоправного посягательства.

Так, авторы одного из комментариев к ГК РФ, прямо указывают на то, что меры самозащиты гражданских прав могут быть разделены на превентивные и пресекательные. Первые из которых направлены на предупреждение правонарушения, в то время как вторые имеют место в случае свершившегося и (или) продолжающегося правонарушения [4].

Анализируя меры защиты, используемые правообладателями в сфере интеллектуальной собственности Е.А. Моргунова и Б.А. Шахназаров также отмечают превентивные способности самозащиты, относя технические средства защиты авторских прав (технологии, технические устройства) к превентивным мерам, составляющим суть такой самозащиты [5].

В свете изложенного вполне иллюстративно выглядит указание авторов очередного постатейного комментария к ГК РФ, в соответствии с которым «... в доктрине выделяют превентивные защитные меры, направленные на воспрепятствование потенциальному хищению: высокий забор, злая собака, установление видеонаблюдения», однако сами авторы данного комментария такую позицию не разделяют и полагают, что «сами по себе подобные приготовления не входят в правовую категорию “самозащита”» [6].

Завершая краткий обзор научной литературы по теме нашего исследования, необходимо отметить, что как превентивный, так и пресекательный характер самозащиты права предусматривается не только на уровне юридических литературных источников, но также и на уровне официальных докумен-

тов, определяющих, что «... самозащита гражданских прав возможна только в случае нарушения права или возможности его нарушения...»¹.

Таким образом, вопрос о так называемой превентивной самозащите гражданских прав, нуждается, по нашему мнению, в более тщательном исследовании в целях соотнесения предусмотренных законом признаков данного способа защиты права с теми превентивными целями института самозащиты, которые ему приписываются в научной юридической литературе.

Возвращаясь к содержанию ст. 14 ГК РФ трудно не согласиться с тем, что законодатель ведет речь о самозащите права именно как о способе противостояния уже имеющемуся в наличии противоправному посягательству. Причем содержание этой защиты должно соответствовать способу и характеру нарушения².

В этой связи возникает вполне резонный вопрос о том, что в этом случае представляют собой меры, предпринимаемые управомоченными лицами, направленные на охрану своих прав, и (или) имущества, в отсутствие на них какого-либо посягательства. Необходимо отметить, что действующий ГК РФ прямого ответа на данный вопрос не предлагает.

Анализ юридической литературы по исследуемой нами теме дает вполне достаточные основания для вывода о том, что меры охраны имущества традиционно включаются учеными в число мер фактического характера, применяемых управомоченным лицом при самозащите гражданских прав [7, с. 107]. Такая традиционность, видимо и позволяет современным исследователям приходиться к выводу о доктринальном характере такого подхода (о чем ранее нами уже упоминалось) несмотря на то, что по верному замечанию профессора Грибанова В.П.: «Право собственника ... принимать необходимые меры охраны имущества прямо действующим гражданским законодательством не предусмотрено. Однако такое право существует. Оно косвенно может быть выведено из ряда гражданско-правовых норм» [7, с. 117–118]. В этой связи необходимо отметить, что юридическая конструкция «превентивной самозащиты» современным гражданским законодательством также не определена удовлетворительным образом, и, по-прежнему «косвенно выводится из ряда гражданско-правовых норм», что в свою очередь и порождает неопределенность в вопросе о ее соотношении с той самозащитой, которая предусмотрена ст. 14 ГК РФ.

В целях разрешения такой неопределенности, полагаем возможным опереться на категорию «цели превентивной самозащиты», к достижению которой стремится заинтересованное лицо. Очевидно, что характер и содержание действий, совершаемых управомоченным лицом, находится в непосредственной зависимости от наличия или фактического отсутствия противоправного воздействия со стороны правонарушителя. По нашему мнению, именно цель таких действий и представляет собой ключевую характеристику, посредством которой следует определять юридическую природу т.н. «превентивной самозащиты» или (что тоже самое) «самоохраны» гражданских прав.

Как видно из указанного выше, право на принятие заинтересованными лицами инициативных действий, направленных на охрану своих прав или имущества, представляет собой несколько иной правовой институт, отличный от самозащиты права в том смысле, который в него вложен статьей 14 ГК РФ. Полагаем, что по этой причине следует согласиться с мнением профессора Богданова Е.В., полагающего недопустимость смешивания этих двух правовых институтов в силу наличия у них принципиальных различий [3, с. 25–28], основанных, прежде всего, на факте наличия или отсутствия противоправного посягательства, определяющем в конечном итоге как содержание действий управомоченного лица, так и их допустимых пределов.

Из изложенного следует, что цель совершаемых заинтересованным лицом действий, не только позволяет существенно отмежевать «самоохрану» от «самозащиты», но и определить тот объем требований к содержанию и пределам охранительных действий, которыми характеризуется соответствующий правовой институт.

¹ П. 1.1. Письма ФНС России от 11.10.2017 № ГД-4-14/20509@ «О направлении «Обзора судебной практики по спорам с участием регистрирующих органов № 3 (2017)» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² П. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В этой связи целесообразно заметить, что вряд ли законодателю представится возможным сформулировать данный объем требований, не используя такие оценочные категории, как разумность, обоснованность, достаточность и т.п., наделив тем самым институт самоохраны гражданских прав самостоятельным смыслом в контексте дифференциации правовых средств, имеющихся в распоряжении того или иного управомоченного субъекта. Полагаем также, что правовой институт «самоохраны» имеет определенный потенциал не только и не столько в сфере охраны конкретных прав, сколько в сфере охраны правовых интересов, принимая во внимание многоаспектность этой правовой категории, разнообразие взглядов на ее правовую природу и особенности юридической квалификации [8].

В свете нашего исследования полагаем необходимым кратко остановиться на мнении профессора Тархова В.А., который также указывал на некорректность смешивания в юридическом обиходе таких понятий, как «защита» и «охрана», несмотря на их различное значение и смысл, заключающиеся в том, что если охрана права имеет целью недопущение его нарушения, то защита права имеет место при фактическом нарушении или оспаривании такого права³. Вместе с тем, по мнению Тархова В.А. защита права вполне может иметь место и в случае угрозы нарушения права⁴.

Примечательным в изложенной выше правовой позиции является то обстоятельство, что в таком случае перед нами встает вопрос о способности такой категории, как «угроза» нарушения права, в ее содержательных характеристиках, выступить в качестве критерия, разграничивающего меры защиты от мер охраны конкретного права. В этой связи мы полагаем, что выявление совокупности характеристик той или иной угрозы, определяющих ее реальность и потенциальную опасность для конкретного права, несомненно будет способствовать более четкой квалификации соответствующих действий заинтересованного лица в качестве «охранных» либо «защитных». Вместе с тем полагаем, что разрешение данного вопроса возможно лишь в рамках отдельного исследования, выходящего за пределы поставленной нами исследовательской цели.

Принимая во внимание вышеизложенное, полагаем, что имеются достаточные основания для обособления институтов охраны и самозащиты гражданских прав, в связи с чем не представляется возможным согласиться с возможностью придания институту самозащиты настолько широкого смысла, который собою охватывал бы и меры охраны [9, с. 61].

Вместе с тем, необходимо отметить, что несмотря на относительную «простоту» самозащиты гражданских прав, в юридической литературе имеются и иные мнения относительно правовой природы самозащиты права, существенно расширяющие предметные границы возможных исследований этой темы. Так, например, Ю.Н. Андреев не без оснований полагает, что самозащита является не способом, а формой защиты права, которая в свою очередь включает в себя не менее трех способов защиты [10, с. 239]. Между тем, не ставя перед собой целью исследовать все возможные аспекты «самозащиты» и «самоохраны» гражданских прав, полагаем возможным ограничить наше краткое исследование достигнутыми результатами.

Таким образом, представляется возможным сделать общий вывод о целесообразной легализации в действующем гражданском законодательстве института самостоятельной охраны гражданских прав, отмежевывая его от самозащиты права, направленной исключительно на пресечение противоправного посягательства.

Такой подход позволит не только размежевать и обособить данные институты, но и способствовать внесению ясности в определении как правовой природы деяний, которые образуют их суть, так и присущих им особенностей неюрисдикционного воздействия в отношении имеющегося или потенциального посягательства на охраняемое право. Данным целям могло бы также способствовать принятие Верховным Судом РФ соответствующего акта, разъясняющего особенности квалификации действий заинтересованных лиц в качестве самозащиты, либо и в качестве самоохраны своих прав и законных интересов.

³ Тархов В.А. Гражданское право. Общая часть. Курс лекций. – Чебоксары: Чув. Кн. Изд-во, 1997. – С. 259–260.

⁴ Там же. – С. 260.

Список литературы

1. Гольшиев В.Г., Гольшиева А.В. О некоторых аспектах договорно-правового регулирования отношений по управлению многоквартирным домом // Право и экономика. – 2022. – № 10. – С. 11–15.
2. Кархалев Д.Н. Механизм гражданско-правового регулирования охранительных отношений // Юрист. – 2014. – № 8. – С. 29–33.
3. Богданов Е.В. Расторжение договора в одностороннем порядке как способ самозащиты субъективных прав участников гражданского оборота // Гражданское право. – 2019. – № 1. – С. 25–28.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к главам 1–5 / А.В. Барков, А.В. Габов, В.Г. Голубцов и др.; под ред. Л.В. Санниковой. – Москва: Статут, 2015. – 662 с.
5. Моргунова Е.А., Шахназаров Б.А. Право интеллектуальной собственности в условиях развития новых технологий: монография. – Москва: Норма, ИНФРА-М, 2023. – 152 с.
6. Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / А.В. Асосков, В.В. Байбак, Р.С. Бевзенко и др.; отв. ред. А.Г. Карапетов. – Москва: М-Логос, 2020. – 1469 с.
7. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. – Москва: Статут, 2000. – 411 с.
8. Хроменков И.Р., Качалова О.В. Обеспечение судом правовых интересов в досудебных стадиях российского уголовного судопроизводства: монография. – Москва: Проспект, 2023. – 176 с.
9. Вавилин Е.В. Осуществление и защита гражданских прав. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Статут, 2016. – 416 с.
10. Андреев А.Ю. Механизм гражданско-правовой защиты / Ю.Н. Андреев. – Москва: Норма: ИНФА-М, 2010. – 464 с.

References

1. Golyshev V.G., Golysheva A.V. On some aspects of contractual and legal regulation of relations for the management of an apartment building // Law and Economics. – 2022. – № 10. – Pp. 11–15.
2. Karkhalev D.N. Mechanism of civil law regulation of protective relations // Lawyer. – 2014. – № 8. – Pp. 29–33.
3. Bogdanov E.V. Unilateral termination of a contract as a way of self-defense of the subjective rights of participants in civil turnover // Civil law. – 2019. – № 1. – Pp. 25–28.
4. The Civil Code of the Russian Federation. Article-by-article commentary to chapters 1–5 / A.V. Barkov, A.V. Gabov, V.G. Golubtsov et al.; edited by L.V. Sannikova. – Moscow: Statute, 2015. – 662 p.
5. Morgunova E.A., Shakhnazarov B.A. Intellectual property law in the context of the development of new technologies: monograph. – Moscow: Norma, INFRA-M, 2023. – 152 p.
6. The main provisions of civil law: an article-by-article commentary on Articles 1-16.1 of the Civil Code of the Russian Federation / A.V. Asoskov, V.V. Baybak, R.S. Bevzenko et al.; edited by A.G. Karapetov. – Moscow: M-Logos, 2020. – 1469 p.
7. Gribanov V.P. Implementation and protection of civil rights. – Moscow: Statute, 2000. – 411 p.
8. Khromenkov I.R., Kachalova O.V. Ensuring legal interests by the court in the pre-trial stages of Russian criminal proceedings: monograph. – Moscow: Prospekt, 2023. – 176 p.
9. Vavilin E.V. Implementation and protection of civil rights. – 2nd ed., reprint. and add. – Moscow: Statute, 2016. – 416 p.
10. Andreev A. Yu. Mechanism of civil legal protection / Yu.N. Andreev. – Moscow: Norm: INFA-M, 2010. – 464 p.

Статья поступила в редакцию 10.05.2025

Received: 10.05.2025

Статья поступила для публикации: 19.06.2025

Accepted: 19.06.2025